

Научная статья
УДК 82.14
doi: 10.17223/19986645/80/13

Грамматика поэта. Структуры внутренней речи в лирике Егора Летова

Олеся Равильевна Темиршина¹

¹ *Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова, Москва, Россия,
o.r.temirshina@yandex.ru*

Аннотация. Доказывается, что первичной речевой моделью для текстов Летова становится внутренний монолог, структура которого обусловлена коммуникативно-прагматическими и грамматическими особенностями естественной внутренней речи. Прагматика внутренней речи определяется коммуникативной ситуацией самоадресации, которая приводит к появлению в текстах Летова синтаксического эллипсиса и неопределенной референции. Модус внутреннего монолога трансформирует и грамматический строй стихотворений Летова: изменения в поэтической грамматике вызваны неправильным расщеплением «агглютинированных» смыслов внутреннего слова во внешнем речевом плане.

Ключевые слова: внутренняя речь, поэтическая грамматика, поэтический синтаксис, автокоммуникация, русский авангард, поэтический сдвиг

Для цитирования: Темиршина О.Р. Грамматика поэта. Структуры внутренней речи в лирике Егора Летова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 80. С. 269–290. doi: 10.17223/19986645/80/13

Original article
doi: 10.17223/19986645/80/13

Poet's grammar. Structures of inner speech in Egor Letov's lyrics

Olesya R. Temirshina¹

¹ *Griboyedov International Law and Economics Institute, Moscow, Russian Federation,
o.r.temirshina@yandex.ru*

Abstract. The research hypothesis is that an internal monologue, genetically related to inner speech, becomes the speech model for Egor Letov's lyrics. Hence, the aim of the study is to identify the forms of embodiment of the inner speech in Letov's poetry. Since the inner speech code manifests itself through deviations from the grammatical norm in external speech, the shifts and "poetic errors" found in Letov's personal grammar became the object of the work. In the practical part of the work the author proves these shifts are of a systemic nature and are conditioned by the communicative-pragmatic and grammatical features of natural inner speech. The pragmatics of inner speech is associated with autocommunication, which leads to the appearance of syntactic and semantic ellipses in Letov's texts, due to the maximum shared perception of the addressee and the recipient. At the *syntactic level* autocommunication is

manifested in the loss of subjects denoting the agent; at the *semantic level* autocommunication changes the reference of the deictic pronouns. Internal monologue also transforms the grammatical structure of Letov's poems. The author proves that changes in poetic grammar are due to the semantic structure of the internal word and are correlated with the incorrect splitting of its "agglutinated" meanings in the external speech plan. Semantic and grammatical errors are classified as follows. (1) *Errors in the mechanisms of nomination and predication, correlated with the dominance of the noun phrase over the verb one*. The dominance of the noun phrase provokes an incorrect morphological splitting of the inner word: "personal meanings" are realized not in the part-of-speech forms that are dictated by linguistic usage, but mainly in nominative-attributive constructions. (2) *Disruption in the nomination due to word choice error*. This "shift" is realized in verbal paraphasias, the occurrence of which is associated with the mechanism of semantic agglutination inherent in inner speech. (3) *Syntactic errors caused by the translation of the iconic meanings of the inner word into the linguistic sequence*. Letov's lyrics contain remnants of primary semantic syntax associated with incomplete translation of iconic material into the verbal plane. As a result, "simultaneous" structures (visual syncretic units, syntactic syncretic units, "poetic fractions") are found in the linear organization of individual texts, the function of which is to embody the image in the word. In the final part of the article, a historical and literary retrospective of the use of inner speech in poetry is given. The author shows that the use of the inner word in Letov's lyrics is genetically linked to the artistic practice of Russian avant-garde of the early twentieth century.

Keywords: inner speech, poetic grammar, poetic syntax, autocommunication, Russian avant-garde, poetic shift

For citation: Temirshina, O.R. (2022) Poet's grammar. Structures of inner speech in Egor Letov's lyrics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 80. pp. 269–290. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/80/13

Постановка проблемы. Принципы моделирования внутренней речи в художественном тексте неоднократно становились предметом пристального внимания исследователей [1–5]. В указанных работах внутренняя речь в ее художественном измерении связывается с антропоцентрической проблематикой и понимается либо как способ характеристики эпического персонажа, либо как средство передать поток переживаний лирического субъекта.

В русской поэзии XIX–XX вв. встречаются отдельные элементы внутренней речи, которые «моделируют внутренний поток сознания» [3. С. 180]. Тем не менее в классической и модернистской лирике внутренняя речь обычно является вспомогательно-спорадическим стилевым элементом, используемым в строго определённых контекстах (см. перечисление этих контекстов в [3. С. 180]). Однако XX в. даёт и иные поэтические образцы, преимущественно авангардистские, где внутренняя речь оказывается речевой моделью, укорененной в типе лирического сознания.

Мы полагаем, что в эту поэтическую парадигму может быть вписана поэзия Егора Летова, продолжающая традиции русского авангарда 1910–1920-х гг. [6]. Лирика Летова, на наш взгляд, со всей очевидностью воплощает тот тип лирического сознания, который В.И. Тютя, опираясь на высказывание Вяч. Иванова о европейском романтизме, назвал *уединенным*.

В авангарде этот тип сознания, по мнению исследователя, выражает «эгоцентризм эстетического субъекта» [7. С. 23].

В поэзии Летова «уединенность» не только декларируется на тематическом уровне, но и используется как *принцип построения поэтического высказывания*. Наиболее подходящей формой для выражения замкнутого уединённого сознания на уровне структуры поэтического текста становится внутренний монолог, который, по нашей гипотезе, *становится моделью для поэтического высказывания Летова, обуславливающей как семантические, так и синтаксические особенности его лирики*. Отсюда и цель исследования: выявить формы воплощения внутреннеречевого кода в поэзии Летова.

В настоящее время в психологии и психолингвистике существует множество концепций внутренней речи, выстраиваемых на разных основаниях. Так, внутренняя речь может определяться в зависимости от ее семиотического субстрата (вербально-авербальная [8] – невербальная [9] – предметно-схемная [10]), степени развернутости [11] и нейрофизиологических механизмов реализации [12]. Очевидно одно: внутренняя речь – сложный феномен, который, если интерпретировать его широко, захватывает территорию от авербальных зон (здесь внутренняя речь понимается как образ, перцептивное обобщение, схема предмета) до относительно развернутого монолога (в этом случае внутренняя речь интерпретируется как *речь в собственном смысле*, характеризующаяся особым лексико-грамматическим строем).

Не обращаясь к психофизиологии внутренней речи, мы останавливаемся на ее лингво-семиотическом измерении. Отсюда важность для данной работы положений Л.С. Выготского и его школы, основные принципы которой были взяты на вооружение отечественной психолингвистикой. В этой традиции внутренняя речь трактуется как первичный сгусток личностных смыслов, имеющий как образные, так и языковые корреляты [13. С. 61; 14. С. 25]. При этом языковая реализация внутренней речи может быть *расширенной*, в этом случае «внутренний диалог сохраняет многие фонологические свойства и очередность внешнего диалога» [12. Р. 932]. Идея о расширенной внутренней речи особенно важна для анализа внутреннеречевых элементов в сфере художественной литературы, где внутренняя речь существует не как мышление в «чистых смыслах», но как внутренний монолог со специфическими структурными особенностями.

Очевидно, что внутренняя речь в художественном тексте не является естественным феноменом, такую изображенную внутреннюю речь мы, по аналогии с идеей Ю.Д. Апресяна о типах дейксиса, можем назвать *вторичной*. Вторичная внутренняя речь функционально и генетически отличается от первичной, выполняющей мыслеформирующую функцию. Тем не менее при функционально-генетическом отличии художественно моделируемая внутренняя речь схожа с естественной на уровне структуры: «коммуникативная ситуация внутренней речи позволяет употреблять в лирическом тексте естественные черты внутренней речи» [3. С. 179].

Возникает вопрос: как внутреннеречевые структуры, связанные с динамическим этапом порождения речи, могут быть опознаны в тексте, который по определению является статическим единством?

Внутреннеречевой код проявляется в тексте через ошибки и неточности, которые «обнаруживаются в тексте как “следы” внутреннего программирования» [9. С. 65]¹. Таким образом, объектом предпринятого исследования является система сдвигов и сбоя в личной грамматике Летова, которая, как мы попытаемся показать, обусловлена внутреннеречевым кодом.

Найденные в лирике Летова сдвиги фиксируются в двух измерениях: прагматическом (связанном с моделируемой коммуникативной ситуацией самоадресации) и грамматическом (соотнесенном с неправильным грамматическим расщеплением внутреннеречевого сгустка).

Прагматический аспект. Главная прагматическая особенность внутренней речи – ее самоадресация. Эта особенность драматическим образом влияет на синтаксический строй внутреннего монолога.

С коммуникативной точки зрения адресат является не только лицом, к которому непосредственно обращено высказывание, но и своеобразным синтактизирующим механизмом. Так, по мнению И.А. Зимней, синтаксическая свернутость и редуцированность внутренней речи объясняется прагматическим фактором самоадресации. Именно самоадресация, предполагающая максимальную общность апперцепции, приводит к разнообразным эллипсисам (нет нужды озвучивать самому себе то, что тебе известно) [19. С. 54]. Таким образом, *внутреннее* слово превращается во *внешнее* только тогда, когда в сообщение вводится *внешний* адресат (реальный или потенциальный). Только в этом случае первичный материал внутренней речи преобразуется и «в интересах слушателя вычленяется и уточняется» [20. С. 217]. В некоторых стихотворениях Летова такого вычленения и уточнения не происходит: внутреннее слово синтаксически не разворачивается, ибо субъекту уединенного сознания нет нужды ориентироваться на внешнего адресата.

Эта коммуникативная «уединенность» приводит к тому, что в отдельных стихотворениях Летова моделируется структура синтаксически редуцированной внутренней речи, в которой образуются смысловые «зияния», ибо некоторые элементы, очевидные для самого автора высказывания, выпадают. С позиции читателя эти «смысловые пустоты» делают проблематичным акт референции. Референтная неопределённость текста обнаруживается прежде всего на субъектном и дейктическом уровнях, ибо эти уровни, являясь по своей природе шифтерными, указывают на моделируемый речевой акт и его участников.

Эллипсис субъекта. Ситуация коммуникативной уединенности приводит к тому, что из текстов, моделируемых как внутренний диалог, выпадают подлежащие, обозначающие субъекта действия. Ситуация эллипсиса

¹ О трактовке ошибочных речевых действий как о результате неправильного расщепления внутреннеречевого сгустка см. также: [15. С. 368; 16. С. 208; 17. С. 78; 18].

субъекта, выраженного подлежащим, типична для внутренней речи: субъект действия, будучи центральным тематическим звеном, известен субъекту уединённого сознания, и ему нет нужды «ословливать» его для слушателя¹. Ср. пример такой «синтаксически неполной» субъектности в стихотворении «Спрятаться-то спрятался...»:

Спрятаться-то спрятался
Но так неудачно
Никуда не гоже
Что с первого взгляда ну сразу видать
А сам затаился <...>

[23. С. 22].

Эллипсис подлежащего обнаруживается и в целом ряде других стихотворений: «Засиделся за костром...», «Запустил лицо в центр...», «Свернулся калачиком...», «Вернулся из армии», «Хмурили брови...», «Сон» («Трижды удостоенный...»), «Ветер с гор». Во всех этих случаях возникает «синтаксическая амбивалентность конструкций, связанная с использованием грамматического прошедшего времени при нулевой позиции подлежащего», это приводит к тому, что «для читателя вопрос о субъекте называемых действий может разрешаться как в плане определенно-личного (с субъектом *Я*), так и в плане неполного двусоставного (потенциально – с любым субъектом: *Я, ТЫ, ОН*) предложения» [22. С. 404].

В отдельных случаях внутренняя речь используется для передачи развертывания ментальных процессов, происходящих как будто здесь и сейчас; очевидно, что внутренняя речь – это наиболее удачная форма для кристаллизации такого рода смыслов. Так, в стихотворении «Да, много воды утекло...» разворачивается внутренний монолог, связанный, видимо, с воспоминаниями. В заключительной части этого монолога по законам выстраивания сюжетного (пусть и лирического!) целого должна присутствовать развязка, однако на месте этой *ожидаемой читателем* развязки – эллипсис. Ср.: «Такое постигло меня однажды / Не помню только — на кладбище или в москве / А, ну конечно же» [23. С. 433].

Финальное «а, ну конечно же», являясь экспрессивным маркером происхождения, известного только субъекту речи, оказывается классической «внутреннеречевой фразой», условной пометой «для себя»². В этой фразе «сгущается» некое событие, которое вспомнил субъект речи; при этом сведения об этом событии остаются за пределами коммуникативного поля читателя.

Можно предположить, что в последней строфе лирического монолога не только воспроизводится структура внутренней речи, но и моделируется

¹ «Тема нашего внутреннего монолога, – пишет Л.С. Выготский, – всегда известна нам <...>. Подлежащее нашего внутреннего суждения всегда наличествует в наших мыслях» [21. С. 352]. Отмечено, что в лирике Летова синтаксическая редукция подлежащего всегда сопровождает неопределённую субъектность, см. об этом: [22].

² Ср.: «“Внутренне слово” – это условный знак ситуации “для себя”» [13. С. 64].

ее когнитивная функция. Как известно, внутренняя речь часто возникает как речевое сопровождение при затруднённом выполнении некоторого действия и редуцируется, когда действие завершено [21. С. 47]. В монологе Летова воссоздается именно такая ситуация: субъект речи пытается нечто вспомнить, а когда цель достигается, внутреннеречевой поток – как это бывает и в реальности – резко прерывается.

Местоименный дейксис. Внутреннеречевой код, соотнесенный с самоадресацией текста, не только провоцирует выпадение формально выраженного субъекта, но и меняет структуру поэтического дейксиса¹.

Дейктическое измерение текста включает в себя имплицитный образ реципиента, к которому обращена речь; соответственно изменение образа адресата ведет к изменению дейктических значений. Так, установка на самоадресацию, характерная для внутреннего монолога, приводит к тому, что дейктическая сфера летовских текстов оказывается коммуникативно «ущербной» по отношению к «внешнему» сознанию, не включенному в общий контекст.

Такая коммуникативная рассогласованность обуславливает семантическую асимметрию позиций слушающего и субъекта речи в установлении референтных значений указательных местоимений «это», «этот», «эти», «те» и др. В типичном случае за этими местоимениями стоят значения, известные как отправителю, так и получателю сообщения. Однако в парадоксальной ситуации *самоадресованного монолога, обращенного к слушателю*, функции этих местоимений трансформируются: смысл указательных местоимений оказывается доступным только субъекту речи, но остается не ясным для внешнего реципиента. Ситуацию коммуникативной недостаточности находим в ряде текстов. Ср. примеры (выделения курсивом наши): «*это* возьмёт Одін» («Кролики» [23. С. 256]), «Как *тот* безымянный и плюшевый» («А как я вдоль дерева вдоль ходил...» [23. С. 465]), «Как будто по правде мне что-то не *то* / Боже мой, / *То*. / *То*» («О спелую косточку...» [23. С. 469]), «*Это* от ума – значит от дурости» («Белые солдаты» [23. С. 486]), «Иногда мне кажется / Что всё это уже где-то есть» («Лето» [23. С. 93]).

Во всех обозначенных контекстах не уточняется содержание указательных местоимений, их семантика, таким образом, диссоциирует: сохраняя функцию указания для говорящего, они теряют указательную функцию относительно слушающего. Это рассогласование приводит к парадоксальному расщеплению смыслов указательных местоимений: *заклячая в себе неустранимую семантику определённости, эти местоимения в коммуникативном регистре «для слушателя» функционально оказываются аналогичными местоимениям неопределённым.*

¹ При анализе дейксиса в художественной литературе различают первичный дейксис диалогической устной речи и вторичный дейксис, трактуемый как сфера вторичного семиозиса [24]. В работе речь идет о вторичном дейксисе, соотнесённом с субъектом речи, который понимается как «виртуальная реальность, структурный конструкт» [24. С. 15].

Сходные трансформации претерпевает и хронотопический дейксис. Так, в финале стихотворения «Однажды иду вдоль реки...» появляется наречие «здесь», предметное содержание которого определено только по отношению к субъекту речи. Приведем фрагмент текста:

Однажды иду вдоль реки
Слышу – ребёнок истошно кричит
Смотрю – никого
<...>
Это оказывается дерево так скрипит
Значит – это здесь

[23. С. 118].

Что именно находится «здесь» – слушателю не ясно, эта коммуникативная неполнота делает проблемным «предметное» понимание текста и заставляет интерпретировать последний как эгоцентрический монолог.

Коммуникативная недостаточность обнаруживается и в семантике местоимения «они»: «они» – это всегда *кто-то*, известный автору, но неизвестный слушателю. Рассогласование смыслов личного местоимения в зависимости от коммуникативной точки отсчета находим во всех текстах Летова, где местоимение «они» не имеет анафорической функции. Ср. характерный пример:

Здравши собачий нос
Втянул в себя струйку
Сочного летнего воздуха
И понял, что Они
Где-то рядом

[23. С. 57].

Подобная диссоциация семантики указанного местоимения обнаруживается в целой парадигме текстов: «Глубокой ночью», «Они наблюдают», «Из всех углов. Они стоят...», «Я не спал десять тысяч ночей...», «Он идет его не слышно», «Зерно на мельницу», «И был я словно покинутый муравейник...», «Они», «Как всё это... кончается...» и т.д.

Таким образом, анализ шифтерных элементов – «субъекта речи» и сферы местоименного дейксиса – позволил выявить в текстах Летова контуры скрытой прагматико-коммуникативной модели, ориентированной на самоадресацию. По своим основным характеристикам данная модель может соотноситься с внутренним монологом¹.

Трансформация коммуникативной функции – ее сдвиг от «ты-адресации» к «я-адресации» – приводит к тому, что контекст, необходи-

¹ Связь «неопределённой» референции в поэзии с модусом внутренней речи уже была отмечена И.И. Ковтуновой, исследовательница пишет: «Не только собственно познавательная позиция поэта, но и его общая коммуникативная позиция влияет на степень неопределённости. Чем сильнее ориентация на внутреннюю речь <...>, тем больше степень неопределённости в художественном тексте» [25. С. 108].

мый для предметного понимания приведённых стихотворений, *ясен для субъекта речи* (ибо сама коммуникативная ситуация как будто присутствует в его мысленном поле), но *принципиально не доступен внешнему адресату речи* (ибо контекстуальные сведения, необходимые для правильной референции, не «ословливаются», оставаясь за рамками текста).

Грамматический аспект. Внутренний монолог, будучи моделью летовского высказывания, организует не только поля субъектности и дейксиса, но и существенным образом влияет на грамматический строй стихотворений Летова. И если сдвиги, связанные с выпадением «и так известных» элементов и неопределённостью местоименного дейксиса, были вызваны *коммуникативной природой* внутренней речи, то изменения в поэтической грамматике соотнесены с *семантической структурой* внутреннего слова.

Одна из важнейших и неподвергающихся сомнению характеристик внутренней речи заключается в том, что внутреннее слово – это аморфный сгусток личностных смыслов. При переводе из внутреннего плана во внешний неструктурированные *смыслы* должны быть грамматически расчленены и реализованы в системе *значений*.

В некоторых условиях работа механизма такого перевода нарушается и внутренняя речь прорывается во внешнюю, в результате чего возникает система сбоев и ошибок, в основе которых лежит неправильное грамматическое расщепление исходного смыслового сгустка, внутреннего слова. Семантико-грамматические сбои в лирике Летова, обусловленные конфликтом личностных смыслов и узуальных значений, могут быть классифицированы следующим образом:

- 1) сбой в работе механизмов номинации и предикации, соотнесённый с неправильным соотношением именной и глагольной групп;
- 2) сбой в номинативном блоке, связанный с неточным выбором слова;
- 3) синтаксические сбои, вызванные переводом «симультанных» смыслов внутреннего слова в языковую последовательность.

Сбой в работе механизмов номинации и предикации. Перевод внутреннего слова во внешнее высказывание осуществляется через блок выбора слова и блок построения синтаксической схемы высказывания. «Личностные смыслы, – пишет Е.С. Кубрякова, – объединяются в такие пучки, которые на уровне высказывания соответствуют одни – значениям синтаксических схем предложения и способам их дальнейшего связывания в текст, другие – значениям отдельных номинаций или номинативных блоков» [13. С. 65]¹.

В некоторых условиях сложенная работа этих механизмов нарушается и во внешней речи появляются остатки «внутреннего синтаксирования», связанные с неправильным распределением смыслов по языковым единицам. В лирике Летова обнаруживается ряд поэтических сдвигов, которые можно классифицировать как результат такого нарушения. Одна из частотных неправильностей, характерная для летовских текстов, заключается в том,

¹ О разведении операций выбор слова и грамматического структурирования см. также: [14. С. 27; 26. С. 267].

что внутренние смыслы реализуются не в тех частеречных формах, которые диктуются языковыми конвенциями. Так, те значения, которые должны реализовываться в глаголах, наречиях, существительных, в словосочетаниях, – актуализируются в атрибутивном комплексе.

В стихотворении «Крепчаем» возникает странное словосочетание «бродячие потемки» [23. С. 482]. Если предположить, что эта фраза является результатом искажения предикативной структуры «*потемки, где некто бродит*», то механизмом ее порождения окажется реализация глагольных смыслов в прилагательном, что приводит, в свою очередь, к сворачиванию целостной предикативной структуры в словосочетание.

Актуализация глагольно-предикативных смыслов в прилагательном в лирике Летова происходит регулярно. Ср.: «доносчивые глаза» [23. С. 188], «бродячие сухие леса» [23. С. 314], «раззявые рты» [23. С. 247], «раззявые вонючие рты» [23. С. 314], «предательский дядя» [23. С. 212] и др.

Атрибутивизации подвергается не только глагольная семантика. В систему атрибутивных сдвигов вписывается и универбизация, продуктами которой, как правило, становятся прилагательные. Ср.: «последождливая грязь» [23. С. 130], «настенная вода» [23. С. 173].

Атрибутивизируются также и фразеологизмы. Так, словосочетание «водянистые речи» [23. С. 247] является, видимо, результатом деформации фразеологического сращения «лить воду» (говорить бессодержательно). Таким образом «водянистые речи» могут интерпретироваться как «эхо-остаток» исходного фразеологизма, результат его атрибутивизации.

В отдельных стихотворениях неправильное грамматическое расщепление исходной смысловой структуры ведет к тому, что прилагательное используется вместо требуемых узuallyм контекстом наречий. Так, в стихотворении «Сто лет одиночества» возникает окказиональное словосочетание «напроломное лето мое» [23. С. 294], где «наречные» смыслы атрибутивизируются и реализуются в прилагательном.

Сбой в номинативном блоке, связанный с неточным выбором слова. Нарушения в работе номинативного и синтаксического блоков – не единственный способ сдвига значений. Сдвиги при воплощении личностных смыслов часто принимают форму парафазий, в этом случае неправильно работает номинативный блок, связанный с выбором слов. Подбор слов осуществляется по звучанию, значению и «субъективно-вероятному признаку» [26. С. 268]. Здесь будут рассмотрены ассоциативно-семантические парафазии, которые часто обнаруживаются в лирике Летова.

Механика вербальных парафазий при внешней сложности и необычности получающихся конструкций – проста: элементу X, находящемуся в одном семантическом поле с элементом Y, приписывается признак элемента Y.

По принципу скользящего признака построено предложение «станем заповедными, как деревья» [23. С. 242]. Прилагательное «заповедный» обычно связывается с лесами, чащами и зонами... Летов, нарушая нормы семантической сочетаемости, приписывает этот признак другому объек-

ту, который также входит в «заповедно-лесное» семантическое поле – деревьям.

В некоторых случаях представляется затруднительным определить лингвистическую базу парафазий, ибо языковая составляющая не очевидна. Однако возможно реконструировать некоторый чисто смысловой сценарий, который Летов «сжимает» до одного словосочетания. Так, за фразой «глубже мрем» [23. С. 246] стоит не столько лингвистический конструкт, сколько сам «сценарий» похорон, включающий в себя образ глубокой могилы. В этом контексте глагольное словосочетание «глубоко умирать» может трактоваться как результат свёртывания целостного «фрейма».

Подобную компрессию находим в стихотворении «Из меня все сыпется», где появляется любопытный образ «хрустальных зорких шариков». «Зоркий шарик» – это хрустальный шар, в который смотрят, чтобы увидеть будущее. Субъект, внимательно смотрящий в шар, и будущее, которое он там видит, спрессовываются в одно словосочетание, при этом прилагательное «зоркий» приписывается не субъекту, а «шарику».

В рамках данной статьи нет возможности подробно комментировать все обнаруженные парафазии, однако наш материал показывает, что сворачивание сложного потенциально предикативного сценария в субстантивное словосочетание соответствует основному принципу внутренней речи: максимум смыслов при минимуме слов. При этом смысловая агглютинация, свойственная внутренней речи, в концентрированном виде передает самые значимые черты исходного реконструируемого образа.

Отметим также, что сбой в работе номинативного блока, связанный с «неточным» (с позиции узуса) подбором слов, также демонстрирует крен в сторону прилагательного. Говоря иначе, в «путешествии» признака, скользящего относительно объектов, по семантическому полю вырисовывается определённая траектория: признак «уходит» от полюса глагола и тяготеет к реализации в атрибутивном комплексе.

Обсуждение номинативно-предикативных сбоев. Исключительное положение прилагательного в поэтической грамматике Летова обусловлено, на наш взгляд, синтаксическим строем его лирики. Атрибутивное словосочетание «прил. + сущ.» – частотная синтаксическая конструкция, которая обнаруживается практически во всех стихотворениях Летова.

Превалирование этой синтаксической структуры в текстах, где мы обнаружили морфологические сдвиги, позволяет выдвинуть предположение о том, что в лирике Летова блок синтаксирования занимает доминирующее положение, подчиняя себе блок номинации. Говоря иначе, *синтаксическая схема оказывается своеобразной рамой, оформляющей личностные смыслы и обуславливающей выбор их частеречного воплощения*. В результате такого «синтаксического воздействия» значения, которые конвенционально должны быть выражены, например, глаголом, воплощаются в прилагательном, являющемся смысловым центром атрибутивных конструкций.

На деформирующую роль синтаксиса указывает синтаксический контекст рассмотренных окказионализмов. Так, в стихотворениях «Крепчаем»

и «В начале было слово» отчетливо задается навязчиво повторяющийся синтаксический шаблон «прил. + сущ.», который, оказываясь «формой отливки» личностных смыслов, инициирует морфологический сбой: ритмико-синтаксическая инерция оказывается столь сильна, что вместо «бродить в потемках» появляются «бродячие потемки», а вместо «раззавить вонючие рты» возникают «раззавые вонючие рты». Ср.:

В натренированные очи самопальные титаники
Бродячие потёмки <...>

[23. С. 482].

За снотворные туманы, за бродячие сухие леса
За дремучие селения, за кислые слепые дожди
За грибные водопады, за бездонные глухие поля
За рассыпчатые горы, за раззавые вонючие рты

[23. С. 314].

«В интеграции и подгонке смыслов двух таких важнейших узлов предложения, как его именная и глагольная группа, – пишет Е.С. Кубрякова, – мы и видим реализацию замысла формирующегося предложения» [13. С. 137]. Однако в лирике Летова замысел, соотнесенный с внутреннеречевым кодом, по-видимому, остается нерасщепленным, именные и глагольные группы не интегрируются, что и инициирует появление атавизмов внутреннеречевого кодирования, генетически связанных с доминированием определённого синтаксического шаблона.

Доминирование синтаксического блока объясняет и летовские парафазии. И.Н. Горелов полагает, что на первой стадии порождения высказывания потребность сказать нечто материализуется в интонационно-синтаксической схеме и ритмических характеристиках высказывания. «Эти (интонационно-синтаксические. – О.Т.) структуры, вероятно, более чем другие типизированы, заполняясь “ближайшим” лексико-грамматическим материалом. Синтаксически он отличается малой глубиной...» [9. С. 46–47]. Таким лексико-грамматическим материалом оказываются как раз парафрастические замены, которые «выбираются» как ближайшие элементы из ассоциативно-семантического поля. Кроме того, действительно, парафазии коррелируют с малой синтаксической глубиной текстов Летова: синтаксис его стихотворений тяготеет к тотальному перечислению, паратаксису и, как следствие, – монотонной изоритмичности.

Изоритмичность и тяготение к паратаксису – структурная особенность внутренней речи, синтаксис которой «не образует законченных предложений, а стремится к бесконечным цепочкам ритмических повторяемостей» [4. С. 169]. Тексты Летова, ориентированные на внутреннеречевой код, демонстрируют именно такие изоритмические повторы. Часть этих повторов соотносится с особым номинативным строем: стихотворения либо полностью представляют собой череду номинаций, либо включают в себя обширные номинативные блоки. На этом вопросе следует остановиться отдельно.

Номинативный стиль в поэзии предметно исследовался в ряде работ филологического характера, где выявлены его основные смысловые функции [27–30]. Мы со своей стороны хотели бы добавить, что *с точки зрения структуры номинативный стиль может быть одной из форм реализации внутренней речи.*

Так, И.И. Ковтунова считает, что установка на компрессию смысла «сближает именные предложения с внутренней речью, делает их способом выражения внутренней речи, где мысль предстает в максимально “сгущенном виде”» [3. С. 156]¹. В поэзии Летова эта «сгущенность» может проявляться в том, что «глагольные» смыслы актуализируются в номинативно-атрибутивном словосочетании «прил. + сущ.», где разделенность признака и его носителя менее выражена, чем в предикативных структурах [31. С. 312].

Номинативный строй поэтической речи предполагает использование существительных с глагольно-пропозитивной семантикой, которые дают возможность «передавать динамику ситуаций» [29. С. 43]. Однако в текстах Летова эта пропозитивная семантика обнаруживается и в *прилагательных*. И в самом деле, такие конструкции, как «предательский дядя» можно трактовать как полупредикативные не до конца развернутые структуры, в скрытом виде содержащие в себе пропозицию, которая может развернуться в полноценное предложение (ср. «дядя – предатель»)².

Таким образом, именной стиль может быть связан с глубинной протоформой поэтического текста, генетически соотнесенной с внутреннеречевыми процессами. И в этом смысле интересны некоторые авторские свидетельства, видимо, подтверждающие эту мысль. Вяч. Вс. Иванов, комментируя именные стихотворения Блока, указывает на передаваемое В.Б. Шкловским устное сообщение поэта «о том, что ему самому (Блоку. – О.Т.) писание стихотворения представлялось как перевод <...> текста на его собственном языке в русский текст», отсюда, полагает Вяч. Вс. Иванов, «можно высказать гипотезу, по которой именным стилем часто писались наиболее индивидуально-лирические фрагменты, как бы сохраняющие структуру первоначального текста» [28. С. 286].

В этом сообщении обращает на себя внимание идея о столкновении *значений и личностных смыслов*, сопровождающем развертку «номинативной» внутренней речи во внешние языковые формы. Связь номинативных структур с внутреннеречевым кодом регулярно обнаруживается и в раз-

¹ Е.С. Кубрякова, ссылаясь на исследования поэтической речи, также пишет «об особых функциях номинативного стиля и исключительной роли потока наименований для воссоздания эффекта внутренней речи, мыслительной деятельности в образах и картинах» [13. С. 77].

² В таких случаях речь может идти о предикации особого рода, вторичной предикации, «связанной с атрибутивными отношениями» [31. С. 514].

личных «эго-текстах»¹, что наталкивает на мысль о естественной соотносительности номинативного стиля в поэзии с внутреннеречевыми процессами.

Синтаксические сбои, вызванные переводом «симультантных» смыслов внутреннего слова в языковую последовательность. Третий тип поэтических ошибок также связывается со структурно-семантической природой внутреннего слова. Несмотря на расхождения, часто значительные, в трактовке внутреннего слова, исследователи тем не менее едины в том, что внутреннее слово содержит в себе не только вербальные, но и зрительно-образные компоненты.

И в самом деле, внутреннее слово еще не в полной мере *слово* (оно в живом пластическом виде сохраняет первичные образные впечатления), но уже не в полной мере *образ* (оно включает в себе вербальные протознаки, которые означивают образное впечатление). «Вслед за Л.С. Выготским и Н.И. Жинкиным, – пишет Т.В. Ахутина, – мы предполагаем, что внутреннюю речь обслуживает особый код. Вероятно, код этот смешанный, его единицами являются не только слова, имеющие во внутренней речи не объективное значение, а субъективный смысл <...>, но и схематичные представления» [14. С. 25]².

При порождении высказывания перед говорящим встает задача перевода первичного внутреннего образа во внешнюю речь. Сложность этой операции заключается в том, что образ – это симультанное образование, воспринимаемое практически одномоментно; речь же, напротив, – всегда линейна. «Образ, – пишет А.Н. Леонтьев, – строится по типу тех структур, которые приспособлены к развертке, то есть к переводу последовательности в одномоментность, текущего в существующее» [32. С. 51].

Не останавливаясь на всех возможных вариантах пути от мысли к слову, отметим, что в лирике Летова обнаруживаются остатки первичного смыслового синтаксирования, связанные с *неполным переводом образного материала в слово*. Возникает ощущение, что Летов пытается сохранить образно-речевой сгусток в своем первоначальном виде, что приводит к властному вторжению зрительного образа в речевую стихию. Попытка фиксации образа в речевом коде, которая затруднительна по причине линейности речи, приводит к деформации речи. Так, *в линейной организации некоторых текстов возникают своеобразные «провалы», где и обнаруживаются симультантные структуры, связанные с работой образа*. Функция таких симультантных структур речи – достичь смыслового сгущения, передать образ *как он есть*, но через фактуру слова.

Инерция образа проявляется в текстах Летова на семантическом и синтаксическом уровнях, именно здесь и обнаруживаются сбои, связанные с тяготением речи к несвойственной ей симультанности.

¹ Так, О.Н. Панченко обращает внимание на связь номинативных структур с «записями для себя» [30. С. 85].

² Ср. также мнение А.Н. Соколова, утверждавшего, что внутренняя речь – это «язык “семантических комплексов” (редуцированных речевых высказываний иногда в сочетании с наглядными образами)» [8. С. 60].

Семантический аспект. Выше были рассмотрены случаи парафразистических замен, при которых признак скользит относительно слов, включенных в одно семантическое поле. Однако в лирике Летова сдвиг признака, относительно объектов, может осуществляться и по принципу включенности объектов в одну *образную репрезентацию ситуации*. Говоря иначе, признак приписывается не тому предмету, с которым он обычно связан в узусе, а иному, который присутствует в данном пространственном контексте.

Такой образ, организованный по принципу пространственной близости объектов, обнаруживается в песне «Передозировка», где появляется странное словосочетание «ветвистые заборы» [23. С. 300]. Этот образ может трактоваться как результат визуального «сжатия» ситуации: над забором поднимаются ветви, соответственно – забор «ветвистый». Признак кочует от одного объекта к другому, «ветвистость» от деревьев переходит к забору, над которым эти деревья видны.

Визуальное сжатие обнаруживается и в словосочетании «кустистый поезд» из стихотворения «Сон» («кустистый поезд» – это поезд, который едет мимо «цветущих ветвей сирени» [23. С. 20]). По такой же модели создается сдвиг в стихотворении «Глубокий старик...», где появляется образ «бесчисленной клетки» [23. С. 76], из которой нужно выпустить голубей. «Бесчисленная клетка» – результат перехода признака «бесчисленный» от множества птиц, которые находятся в клетке, к самой клетке.

Примеров таких пространственно-образных смещений у Летова много, ср. некоторые: «пьяный забор нетленной любви» [23. С. 224], «дошатая хвойственная краска» [23. С. 83], «зачесались рукавицы» [23. С. 355], «свечи в мерцающих пространствах» [23. С. 520], «горы близорукие» [23. С. 478] и др.

Во всех случаях механика создания таких образов одинакова: *объекты находятся рядом в акте перцепции, они встроены в зрительное впечатление, которое не дифференцируется при оречевлении*, как того требует логико-дискурсивное мышление, в результате чего появляются *визуальные синкреты*, в которых одновременно соплагаются признаки разных денотатов.

Н.И. Жинкин, разводя понятия перцептивного и логико-дискурсивного синтеза признаков, отмечает, что «порядок анализа и синтеза в восприятии иной, чем в тексте» [10. С. 216]. Поэтому с психолингвистической точки зрения приведенные выше фразы можно трактовать как результат доминирования перцептивного синтеза над вербальным. Это доминирование приводит к деформации фактуры языка, когда симультанная логика образа вторгается в линейную логику речи, перекраивая ее под свою структуру¹.

Синтаксический аспект. Тяготение к симультанности и, как следствие, специфические сдвиги в строе текстов, позволяющие сгустить смыслы, наблюдаются и на синтаксическом уровне. Так, в некоторых стихотворениях Летова обнаруживаются не только образные, но и синтаксические

¹ Обнаруженные семантические сдвиги тяготеют к метонимии, ибо метонимический перенос предполагает сжатие, часто совершаемое с опорой на зрительные ассоциации [33. С. 44].

синкреты, чье появление также мотивировано «недорасщеплением» исходного смыслового сгустка. Однако в последнем случае неполная развертка осуществляется не через мену семантических признаков (как в случае с образом-синкретом), а через сугубо синтаксические механизмы.

Главным принципом такой агглютинации становится *симультанное наложение синтаксических конструкций*. Процесс наложения синтаксических структур сопровождается выпадением их отдельных элементов, в результате чего создается синтаксически нерасчлененный сгусток, где одновременно присутствуют не до конца развёрнутые словосочетания.

В первом стихотворении цикла «Вернулся из армии» результатом такой агглютинации является фраза «Два года / Так много тому назад» [23. С. 40]. Этот фрагмент потенциально содержит в себе два словосочетания, которые в процессе речепорождения как будто не разделились до конца: «два года тому назад» и «так много лет тому назад». Словоформа «лет» выпадает в результате не доведенного до конца синтеза предложения, сложное высказывание не выстраивается и «застывает» в своей эмбриональной форме.

Синтаксическое стяжение возникает и в других стихотворениях. Ср.: «Поэт Башлачёв упал убился из окна» [23. С. 269], грамматически правильно: «убился, выпав из окна»; «Я вышел под серым уютным дождём» [23. С. 101], следует сказать «вышел под серый уютный дождь»; «а вы уж собрались меня у дверей» [23. С. 144], потенциально сосуществуют две фразы: «А вы уж собрались меня <хоронить? – глагол подсказан развитием сюжета>» и «А вы уж собрались <у моих> дверей») и др.

Как показывает приведенный материал, в большинстве случаев парадоксальный сдвиг синтаксиса в сторону симультанности соотнесен с глаголом. И это закономерно: глагол, будучи синтаксическим ядром предложения, является также и центральным элементом внутренней речи, предикативной, по существу. При разворачивании внутреннего слова во внешний план требуется ограничить его полисемантичесность: необходимо выбрать один смысловой вектор, в соответствии с которым будет идти процесс внешнего синтаксирования. И если на внутреннеречевом этапе этот вектор не определен, то процессы синтаксирования текста сойдутся.

Думается, что летовские сдвиги моделируют сбой этого механизма. Так, в синтагме «а вы уж собрались меня у дверей» глагол «собрались» имеет два значения: «сойтись, съехаться, сосредоточиться в одном месте» (*собраться у дверей*) и «принять намерение сделать что-л.» (*собраться хоронить*) [34. С. 172]. Летов *сохраняет* полисемантику глагола, в результате чего синтаксирование *одновременно* идет по двум путям, приводя к появлению синтаксической склейки, связанной с двумя значениями ключевого глагола. Многозначность внутреннего слова, таким образом, остается в тексте в неснятом виде и, вторгаясь в область синтаксиса, разрушает его линейный порядок.

Смысловая уплотнённость внутреннего слова может реализовываться не только через синтаксические сдвиги, но и другими способами, семиоти-

чески более близкими к иконическим формам: гораздо легче «расположить» эти одновременные смыслы внутреннего слова в пространстве, нежели пытаться спрессовать их в линейную цепь предложения. Здесь Лето- тов прибегает к форме, которая была названа поэтической дробью¹. Ср. примеры: «Через ^{реки}_{плечи} и года...» (с. 297), «Где твоё ^{расхваленное}_{раскаленное} отечество» (с. 394) и мн. др.

Итак, внутреннеречевой монолог обуславливает не только прагматико- коммуникативную организацию лирики Лето- това, но и ее структурные особенности. Личностные смыслы либо неправильно расщепляются (что вызывает ряд синтаксических сдвигов), либо же «сохраняются» в тексте в своей первичной образной форме (что обуславливает возникновение в «линейном» тексте нелинейных, симультанных структур). Однако в обоих случаях мы наблюдаем тенденцию к сгущению семантики и синтаксической агглютинации, столь характерную для внутреннего измерения речи.

«Техника» внутренней речи в историко-литературном контексте. В связи с изложенным возникает два закономерных вопроса: вписан ли такой способ работы со словом в историко-литературную традицию и насколько сам Лето- тов осознавал принципы своего же творческого процесса?

Было бы ошибкой механически сводить поэтическую речь к внутренней. Очевидно, что перенос «естественной» речевой модели в поэзию всегда сопровождается сменой функции. Мы полагаем, что использование внутреннеречевого кода в лирике Лето- това указывает на традицию русского авангарда начала XX в. При этом близость Лето- това к авангарду нужно искать не только в сходстве речевых структур, но и в онтологии творчества.

Теоретики и практики авангарда 1910–1920-х гг. поэтическое и визуальное творчество понимали процессуально, как психологический опыт постижения реальности. Так, для творческих практик А. Крученых, К. Малевича, А. Туфанова, М. Матюшина – при всей их разнонаправленности – общим знаменателем становится желание с помощью нового типа лиризма «схватить» действительность во всей ее сущности [36].

Общей для авангардистов становится и идея о том, что язык не успевает за личностным опытом, именно поэтому механизмом выражения становится сдвиг, осуществляемый во всех фактурах стиха. Первичным импульсом такого сдвига становится, в терминологии Крученых, – «переживание вдохновенного» [37. С. 17]². Такое переживание можно смоделировать, вызвать искусственно, используя определённые психотехники. Так, например, Матюшин полагал, что увидеть пространство по-новому позволяет медитация и рассеянный взор, который может освободить и раскрепостить глубинное подсознание [36. С. 70–77].

Записи Лето- това в черновиках, касающиеся рефлексии над творческим процессом, свидетельствуют именно о такой авангардистской, экспери-

¹ О «поэтической дроби» в лирике Лето- това см. [35].

² О психологическом эксперименте в авангарде см. также [38].

ментально-психологической трактовке творчества, когда поэзия одновременно понимается как средство постижения мира и является продуктом обострённого восприятия реальности. Ср. фрагмент эстетического манифеста из черновиков: «Как я вообще начал писать. Сначала я входил в изменённые, странные, побочные, обостренные состояния сознания при помощи разных техник – поведенческих, созерцательных и пр., затем пытался дотошно фиксировать все это на бумаге – максимально приближенно к тому, что испытывал <...> В этот момент в одну секунду я и понял, что такое поэзия <...> Поэзия не фиксирует то, что есть – она создает новое сознание, новую реальность, новый мир». Это «новое я», пишет Летов, «формируется в состоянии, близком к трансу», при этом «настоящая поэзия не вычурна, она вопиюще проста и парадоксальна, как японские третиштия, как футуризм, особенно Кручёных и Терентьев...» [39. С. 5].

Таким образом, для Летова, как и для авангардистов, творчество – это не столько работа с вербальным материалом, сколько работа с сознанием, которая вторично приводит к появлению особого вербального ряда. Так, техника заумного языка для Кручёных – «в большей мере психотехника, – открывающая возможность “проэцирования на экран стихов, еще темных неосознанных психо-физических рядов...”» [40. С. 98].

Ключевое значение для такого типа поэзии имеет установка на моментальную запись. Речевой поток, возникающий как результат интроспекции, желательно фиксировать мгновенно, ибо только так можно запечатлеть в слове актуальный момент перцепции. При этом «слово-сырец» должно быть намеренно не обработанным, поскольку оно является максимально точным слепком первичного внутреннего переживания. Именно такое «моментальное» письмо практиковал Кручёных. Ср.: «Первое впечатление (исправляя 10 раз, мы его теряем, и может теряем поэтому все) <...> исправляя, обдумывая, шлифуя, мы изгоняем из творчества случайность <...>. Изгоняя же случайность, мы лишаем свои произведения самого ценного, ибо оставляем только то, что пережевано, основательно усвоено, а вся жизнь бессознательного идет насмарку» [41. С. 30].

Идеи Кручёных эхом отзываются у Летова, который практически повторяет основные идеи Кручёных, используя ту же аргументацию: «Надо сказать, я вообще сторонник максимально быстрой, внезапной записи. Чтобы все рождалось прямо вот тут, прямо сейчас! Длительная работа убивает вдохновение, да и культивирует “ремесленность”» [42].

Быстрота записи, о которой говорят Летов и Кручёных, провоцирует сдвиги, оговорки и ослышки, все то, что Кручёных называет *областью случайного* в языке. Но на самом деле эти случайные сдвиги вовсе не случайны, они детерминированы внутреннеречевым кодом: мгновенная фиксация словесного потока вызывает ошибки, которые появляются из-за того, что внутреннеречевой сгусток не успевает правильно развернуться и грамматически оформиться.

Таким образом, прагматико-грамматические сдвиги в поэзии Летова, проанализированные в статье, системно связаны друг с другом, все они

являются результатом действия внутреннеречевого кода, который, врываясь в узуальную систему значений, приспособливает язык для выражения личностных смыслов.

Список источников

1. Артюшков И.В. Внутренняя речь и ее изображение в художественной литературе (на материале романов Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого) : автореф. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 48 с.
2. Блох М.Я., Сергеева Ю.М. Внутренняя речь в структуре художественного текста. М. : Прометей, 2011. 180 с.
3. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. М. : Наука, 1986. 206 с.
4. Лотман Ю.М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб, 2001. С. 163–177.
5. Успенский Б.А. Поэтика композиции // Успенский Б.А. Семиотика искусства. М. : Языки русской культуры, 1995. 360 с.
6. Черняков А.Н., Цвигун Т.В. Поэзия Е. Летова на фоне традиции русского авангарда (аспект языкового взаимодействия) // Русская рок-поэзия: Текст и контекст. Вып. 2. Тверь : Изд-во ТВГУ, 1999. С. 98–106.
7. Тюпа В.И. Бифуркация культуры уединенного сознания // Постсимволизм как явление культуры: материалы 4-й Международной конференции, Москва, 5–7 марта 2003. М. : РГГУ, 2003. С. 22–26.
8. Соколов А.Н. Внутренняя речь и мышление. М. : ЛКИ, 2007. 256 с.
9. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 112 с.
10. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Жинкин Н.И. Язык – речь – творчество (Избранные труды). М. : Лабиринт, 1998. С. 146–163.
11. Fernyhough C. Alien voices and inner dialogue: Towards a developmental account of auditory verbal hallucinations // New Ideas in Psychology. 2004. Vol. 22. № 1. P. 49–68.
12. Alderson-Day B., Fernyhough C. Inner Speech: Development, Cognitive Functions, Phenomenology and Neurobiology // Psychological Bulletin. 2015. Vol. 141. № 5. P. 931–965.
13. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М. : Наука, 1991. 240 с.
14. Ахутина Т.В. Вместо введения: Механизм порождения речи по данным афазии // Ахутина Т.В. Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. М. : Языки славянской культуры, 2014. С. 11–33.
15. Ананьев Б.Г. К теории внутренней речи в психологии // Ананьев Б.Г. Психология чувственного познания. М. : Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1960. С. 348–370.
16. Психоллингвистические проблемы семантики. М. : Наука, 1983. 285 с.
17. Леонтьев А.А. Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному (психоллингвистические очерки). М. : МГУ, 1970. 88 с.
18. Горохова С.И. Психоллингвистические особенности механизма порождения речи по данным речевых ошибок : автореф. ... канд. филол. наук. М., 1986. 16 с.
19. Зимняя И.А. Способ формирования и формулирования мысли как реальность языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М. : Институт языкознания РАН, 1993. С. 51–59.
20. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л. : Наука, 1972. 217 с.
21. Выготский Л.С. Мышление и речь. М. : Лабиринт, 1999. 352 с.
22. Черняков А.Н., Цвигун Т.В. Подступы к поэтическому языку Егора Летова: Персональность/имперсональность // Подробности словесности : сб. статей к юбилею Людмилы Владимировны Зубовой. СПб. : Свое издательство, 2016. С. 398–407.

23. Летов Е. Стихи. М. : Выргород, 2011. 548 с.
24. Успенский Б.А. Дейксис и вторичный семиозис в языке // Вопросы языкознания. 2011. № 2. С. 3–30.
25. Ковтунова И.И. Принцип неполной определённости и формы его грамматического выражения в поэтическом языке XX века // Очерки истории языка русской поэзии XX века. М. : Наука, 1993. С. 106–154.
26. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М. : КРАСАНД, 2014. 316 с.
27. Гаспаров М.Л. Фет безглагольный. Композиция пространства, чувства и слова // Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. 2: О стихах. М. : Языки русской культуры, 1997. С. 21–32.
28. Иванов Вяч.Вс. Проблема именного стиля в русской поэзии XX века // *Slavica Hierosolymitana*. Jerusalem: The Magnes Press; the Hebrew University, 1981. Vol. 5–6. P. 277–287.
29. Николина Н.А. Номинативные предложения в композиции художественного текста // Поэтическая грамматика. Т. II. М. : Азбуковник, 2013. С. 38–57.
30. Панченко О.Н. Номинативные и инфинитивные ряды в строе стихотворения // Очерки истории русской поэзии XX века: Грамматические категории. Синтаксис текста. М. : Наука, 1983. С. 81–100.
31. Бондарко А.В. Теория значений в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М. : Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
32. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М. : Смысл, 2001. 511 с.
33. Кицлерова Я. Адъективные неологизмы Маяковского: структура, принципы образования и их использование в современном русском языке // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2018. Т. 77. № 6. С. 43–54.
34. Словарь русского языка : в 4 т. Т. 4. М. : Русский язык, 1988. 796 с.
35. Станкович З.Г. Функции поэтических дробей в лирике Егора Летова // Русская рок-поэзия: Текст и контекст. № 20. Екатеринбург, Тверь : Уральский гос. пед. ун-т, 2020. С. 131–137.
36. Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда. СПб. : Академический проект, 1995. 471 с.
37. Крученых А. Стихотворения, поэмы, романы, опера. СПб. : Академический проект, 2001. 480 с.
38. Фёрингер М. Авангард и психотехника: Наука, искусство и методики экспериментов над восприятием в постреволюционной России. М. : НЛЮ, 2019. 336 с.
39. Летов Е. Автографы. Черновые и беловые рукописи. Новосибирск : Культурное наследие, 2009. 192 с.
40. Бобринская Е. Теория «моментального творчества» А. Крученых // Бобринская Е. Русский авангард: истоки и метаморфозы. М. : Пятая страна, 2003. С. 94–118.
41. Крученых А. Письма А. Шемшурину и М. Матюшину. М. : Гилея, 2012. 204 с.
42. Егор Летов. ГрОб-Хроники. URL: https://grob-hroniki.org/article/1990/art_1990-11-10a.html (дата обращения: 11.06.2021).

References

1. Artyushkov, I.V. (2004) *Vnutrennyaya rech' i ee izobrazhenie v khudozhestvennoy literature (na materiale romanov F.M. Dostoevskogo i L.N. Tolstogo)* [Inner speech and its depiction in fiction (based on the novels of F.M. Dostoevsky and L.N. Tolstoy)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
2. Blokh, M.Ya. & Sergeeva, Yu.M. (2011) *Vnutrennyaya rech' v strukture khudozhestvennogo teksta* [Inner Speech in the Structure of a Literary Text]. Moscow: Prometei.
3. Kovtunova, I.I. (1986) *Poeticheskiy sintaksis* [Poetic Syntax]. Moscow: Nauka.

4. Lotman, Yu.M. (2001) *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg: Iskustvo-SPb. pp. 163–177.
5. Uspenskiy, B.A. (1995) *Semiotika iskusstva* [Semiotics of Art]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
6. Chernyakov, A.N. & Tsvigun, T.V. (1999) Poeziya E. Letova na fone traditsii russkogo avangarda (aspekt yazykovogo vzaimodeystviya) [Poetry of E. Letov against the backdrop of the tradition of the Russian avant-garde (aspect of linguistic interaction)]. *Russkaya rok-poeziya: Tekst i kontekst*. 2. pp. 98–106.
7. Tyupa, V.I. (2003) [Bifurcation of the Culture of Solitary Consciousness]. *Postsimvolizm kak yavlenie kul'tury* [Postsymbolism as a Phenomenon of Culture]. Proceedings of the 4th International Conference. Moscow. 5–7 March 2003. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 22–26. (In Russian).
8. Sokolov, A.N. (2007) *Vnutrennyaya rech' i myshlenie* [Inner Speech and Thinking]. Moscow: LKI.
9. Gorelov, I.N. (2014) *Neverbal'nye komponenty kommunikatsii* [Non-Verbal Components of Communication]. Moscow: Knizhnyy dom "LIBROKOM".
10. Zhinkin, N.I. (1998) *Yazyk – rech' – tvorchestvo (Izbrannye trudy)* [Language – Speech – Creativity (Selected works)]. Moscow: Labirint. pp. 146–163.
11. Fernyhough, C. (2004) Alien voices and inner dialogue: Towards a developmental account of auditory verbal hallucinations. *New Ideas in Psychology*. 1 (22). pp. 49–68.
12. Alderson-Day, B. & Fernyhough, C. (2015) Inner Speech: Development, Cognitive Functions, Phenomenology and Neurobiology. *Psychological Bulletin*. 141 (5). pp. 931–965.
13. Kubryakova, E.S. (1991) *Chelovecheskiy faktor v yazyke. Yazyk i porozhdenie rechi* [Human Factor in Language. Language and the production of speech]. Moscow: Nauka.
14. Akhutina, T.V. (2014) *Neyrolingvisticheskiy analiz leksiki, semantiki i pragmatiki* [Neurolinguistic Analysis of Vocabulary, Semantics and Pragmatics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 11–33.
15. Anan'ev, B.G. (1960) *Psikhologiya chuvstvennogo poznaniya* [Psychology of Sensory Knowledge]. Moscow: Izd-vo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR. pp. 348–370.
16. Leont'yev, A.A. et al. (eds) (1983) *Psikholingvisticheskie problemy semantiki* [Psycholinguistic Problems of Semantics]. Moscow: Nauka.
17. Leont'ev, A.A. (1970) *Nekotorye problemy obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu (psikholingvisticheskie ocherki)* [Some Problems of Teaching Russian as a Foreign Language (Psycholinguistic essays)]. Moscow: Moscow State University.
18. Gorokhova, S.I. (1986) *Psikholingvisticheskie osobennosti mekhanizma porozhdeniya rechi po dannym rechevykh oshibok* [Psycholinguistic features of the mechanism of speech generation according to speech errors]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
19. Zimnyaya, I.A. (1993) *Sposob formirovaniya i formulirovaniya mysli kak real'nost' yazykovogo soznaniya* [A way of forming and formulating thoughts as a reality of linguistic consciousness]. In: Vasilevich, A.P., Zimnyaya, I.A. & Leont'yev A.A. (eds) *Yazyk i soznanie: paradoksal'naya ratsional'nost'* [Language and Consciousness: Paradoxical rationality]. Moscow: Institut yazykoznaniya RAN. pp. 51–59.
20. Katsnel'son, S.D. (1972) *Tipologiya yazyka i rechevoe myshlenie* [Typology of Language and Speech Thinking]. Leningrad: Nauka.
21. Vygotskiy, L.S. (1999) *Myshlenie i rech'* [Thinking and Speech]. Moscow: Labirint.
22. Chernyakov, A.N. & Tsvigun, T.V. (2016) Podstupy k poeticheskomu yazyku Egora Letova: Personal'nost'/impersonal'nost' [Approaches to the poetic language of Egor Letov: Personality/impersonality]. In: Sukhovey, D. (ed.) *Podrobnosti slovesnosti* [Details of Literature]. Saint Petersburg: Svoe izdatel'stvo. pp. 398–407.
23. Letov, E. (2011) *Stikhi* [Poems]. Moscow: Vyrgorod.
24. Uspenskiy, B.A. (2011) Deyksis i vtorichnyy semiozis v yazyke [Deixis and secondary semiosis in language]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2. pp. 3–30.

25. Kovtunova, I.I. (1993) Printsip nepolnoy opredelennosti i formy ego grammaticheskogo vyrazheniya v poeticheskom yazyke XX veka [The principle of incomplete certainty and the forms of its grammatical expression in the poetic language of the 20th century]. In: Grigor'yev, V.P. (ed.) *Ocherki istorii yazyka russkoy poezii XX veka* [Essays on the History of the Language of Russian Poetry of the 20th Century]. Moscow: Nauka. pp. 106–154.
26. Leont'ev, A.A. (2014) *Psikholingvisticheskie edinit'sy i porozhdenie rechevogo vyskazyvaniya* [Psycholinguistic Units and the Generation of Speech Utterance]. Moscow: KRASAND.
27. Gasparov, M.L. (1997) *Izbrannyye trudy* [Selected Works]. Vol. 2. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 21–32.
28. Ivanov, V.Vs. (1981) Problema imennogo stilya v russkoy poezii XX veka [The Problem of Nominal Style in Russian Poetry of the 20th Century]. *Slavica Hierosolymitana*. 5–6. pp. 277–287.
29. Nikolina, N.A. (2013) Nominativnye predlozheniya v kompozitsii khudozhestvennogo teksta [Nominative sentences in the composition of a literary text]. In: Kovtunova, I.I. et al. *Poeticheskaya grammatika* [Poetic Grammar]. Vol. 2. Moscow: Azbukovnik. pp. 38–57.
30. Panchenko, O.N. (1983) Nominativnye i infinitivnye ryady v stroe stikhotvoreniya [Nominative and infinitive series in the structure of a poem]. In: Gasparov, M.L. et al. *Ocherki istorii russkoy poezii XX veka: Grammaticheskie kategorii. Sintaksis teksta* [Essays on the History of Russian Poetry of the 20th Century: Grammatical categories. Text syntax]. Moscow: Nauka. pp. 81–100.
31. Bondarko, A.V. (2002) *Teoriya znacheniy v sisteme funktsional'noy grammatiki: Na materiale russkogo yazyka* [Theory of Meanings in the System of Functional Grammar: On the material of the Russian language]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
32. Leont'ev, A.N. (2001) *Leksii po obshchey psikhologii* [Lectures on General Psychology]. Moscow: Smysl.
33. Kitslerova, Ya. (2018) Ad'ektivnye neologizmy Mayakovskogo: struktura, printsipy obrazovaniya i ikh ispol'zovanie v sovremennom russkom yazyke [Mayakovsky's adjectival neologisms: structure, principles of education and their use in modern Russian]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 6 (77). pp. 43–54.
34. Evgen'yeva, A.P. (ed.) (1988) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Vol. 4. Moscow: Russkiy yazyk.
35. Stankovich, Z.G. (2020) Funktsii poeticheskikh drobey v lirike Egora Letova [Functions of poetic fractions in the lyrics of Egor Letov]. *Russkaya rok-poeziya: Tekst i kontekst*. 20. pp. 131–137.
36. Jaccard, J.-F. (1995) *Daniil Kharms i konets russkogo avangarda* [Daniil Kharms and the End of the Russian Avant-Garde]. Translated from French. Saint Petersburg: Akademicheskii projekt.
37. Kruchenykh, A. (2001) *Stikhotvoreniya, poemyy, romany, opera* [Poems, Poems, Novels, Opera]. Saint Petersburg: Akademicheskii projekt.
38. Vöhringer, M. (2019) *Avangard i psikhotehnika: Nauka, iskusstvo i metodiki eksperimentov nad vospriyatiem v postrevolyutsionnoy Rossii* [Avant-garde and psychotechnics: Science, art and methods of experiments on perception in post-revolutionary Russia]. Translated from German. Moscow: NLO.
39. Letov, E. (2009) *Avtografy. Chernovyye i belovyye rukopisi* [Autographs. Draft and white manuscripts]. Novosibirsk: Kul'turnoe nasledie.
40. Bobrinskaya, E. (2003) *Russkiy avangard: istoki i metamorfozy* [Russian Avant-Garde: Origins and metamorphoses]. Moscow: Pyataya strana. pp. 94–118.
41. Kruchenykh, A. (2012) *Pis'ma A. Shemshurinu i M. Matyushinu* [Letters to A. Shemshurin and M. Matyushin]. Moscow: Gileya.

42. Letov, E. (1990) *GrOb-Khroniki* [GrOb-Chronicles]. [Online] Available from: https://grob-hroniki.org/article/1990/art_1990-11-10a.html. (Accessed: 11.06.2021).

Информация об авторе:

Темиршина О.Р. – д-р филол. наук, профессор кафедры истории журналистики и литературы Института международного права и экономики им. А.С. Грибоедова (Москва, Россия). E-mail: o.r.temirshina@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.R. Temirshina, Dr. Sci. (Philology), professor, Griboyedov International Law and Economics Institute (Moscow, Russian Federation). E-mail: o.r.temirshina@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.07.2021;
одобрена после рецензирования 18.05.2022; принята к публикации 16.11.2022.*

*The article was submitted 07.07.2021;
approved after reviewing 18.05.2022; accepted for publication 16.11.2022.*